

БОЛЬШОЙ  
РОМАН

Книги  
Дэвида МИТЧЕЛЛА,  
опубликованные  
Издательской Группой  
«Азбука-Аттикус»

---

Голодный дом

•

Облачный атлас

•

Тысяча осеней Якоба де Зута

•

Костяные часы

•

Под знаком черного лебедя

•

ДЭВИД  
МИТЧЕЛЛ

ПОД  
ЗНАКОМ  
ЧЕРНОГО  
ЛЕБЕДЯ

Издательство «Иностранка»  
МОСКВА

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)-44  
М 67

David Mitchell  
BLACK SWAN GREEN  
Copyright © 2006 by David Mitchell  
All rights reserved  
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK  
and The Van Lear Agency

Перевод с английского Татьяны Боровиковой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-11621-4

© Т. П. Боровикова, перевод, примечания,  
2020  
© А. Б. Гузман, примечания, 2020  
© Издание на русском языке,  
оформление.  
ООО «Издательская Группа  
„Азбука-Аттикус“», 2020  
Издательство ИНОСТРАНКА®

Я считаю Чехова своим святым покровителем. Конечно, так думают многие писатели, но я читаю Чехова каждый год. Он напоминает мне о том, что самое главное в литературе — это не идеи, а люди. Очень люблю Булгакова. Он достаточно популярен в англоязычном мире. Булгаков очень изобретателен, и у него большое «чеховское» сердце. Например, Набоков тоже изобретателен, но у него «платоновское» сердце. Его волнуют идеи, а не люди. Ну и конечно же, Толстой. Например, «Анна Каренина» — 700 страниц, но не скучно ни на секунду, Толстой умудряется оставаться увлекательным даже на такой большой дистанции.

*Дэвид Митчелл*

Сравнения Митчелла с Толстым неизбежны — и совершенно уместны.

*Kirkus Reviews*

Митчелл — один из лучших писателей современности.

*San Antonio Express-News*

Гениальный рассказчик. Возможно, именно Дэвид Митчелл окажется наиболее выдающимся британским автором нашего времени.

*Mail on Sunday*

«Под знаком черного лебедя» — идеальный слепок времени и места, ни одной фальшивой ноты.

*Telegraph*

Чем эта книга впечатляет даже сильнее «Облачного атласа», так это тем, насколько естественно формальные ухищрения, сквозная литературность вплавлены в достоверную историю взросления, проживаемую читателем как свою. «Эпично», как сказал бы Джейсон.

*Literary Review*

Митчелл лихо испытывает на прочность литературные условности и сам язык, безукоризненно воспроизводя склад ума и манеру речи проблемного подростка.

*Tatler*

Трогательная, волнующая, тревожная книга. И в то же время невероятно смешная, даже — вернее, парадоксально, именно тогда — в самые тяжелые, напряженные моменты.

*Observer*

Блистательный роман. Торжество литературы как освобождающей силы и в то же время иллюстрация того, что застенчивость, неспособность внятно выразиться, даже виктимность тоже формируют будущего писателя.

*The Times*

Наше коллективное бессознательное до сих пор в плену у восьмидесятых, но недостаточно упомянуть «Дюран-дюран» или Фолкленды, чтобы воскресить это десятилетие во всей его пугающей красе. Для этого нужен талант масштаба Дэвида Митчелла.

*Independent*

Дэвид Митчелл прославился романами самого масштабного охвата — и географически, и хронологически, и жанрово. Здесь же он сосредоточивает все свое писательское мастерство на одной деревушке, одном годе и одной жанровой модели — романе взросления. Результат, как и следовало ожидать, умопомрачительный.

*Time*

Дэвид Митчелл не столько нарушает все правила повествования, сколько доказывает, что они сковывают живость писательского ума.

*Дин Кунц*

Дэвиду Митчеллу подвластно все.

*Адам Джонсон*  
(лауреат Пулицеровской премии)

Дэвид Митчелл давно и по праву считается одним из лучших — если не самым лучшим — современным писателем, который способен держать читателя в напряжении каждой строчкой и каждым словом...

*Джо Хилл*

Околдовывает и пугает... истинное мастерство рассказчика заключается в том, что Митчелл пробуждает в читателе неподдельный интерес к судьбе каждого из героев.

*Scotland on Sunday*

Дэвида Митчелла стоит читать ради замысловатой интеллектуальной игры, ради тщательно выписанных героев и ради великолепного стиля.

*Chicago Tribune*

Дэвид Митчелл — настоящий волшебник.

*The Washington Post*

Ошеломляющий фейерверк изумительных идей... Каждый новый роман Митчелла глубже, смелее и занимательнее предыдущего. Его проза искрометна, современна и полна жизни. Мало кому из авторов удастся так остроумно переплести вымысел с действительностью, объединить глубокомыслие с веселым вздором.

*The Times*

Митчелл — непревзойденный литературный гипнотизер. Как жаль, что в обычной жизни так редко встречаются изящество и воодушевление, свойственные его романам. Он пишет с блистательной яркостью и необузданным размахом. Воображаемый мир Митчелла радует и внушает надежду.

*Daily Telegraph*

Митчелл — один из самых бодрящих авторов. Каждый его роман отправляет читателя в увлекательнейшее путешествие.

*The Boston Globe*



Дэвида Митчелла, бесспорно, можно назвать самым многогранным и разноплановым среди всех писателей его поколения. Он пишет стильнее Джонатана Франзена, его сюжеты стройнее, чем у Майкла Шейбона, повествование глубже и сложнее, чем у Дженнифер Иган, а мастерством он не уступает Элис Манро...

*The Atlantic*

Митчелл — прекрасный писатель. Один из секретов его популярности и заслуженной славы заключается в том, что его творчество совмещает неудержимый полет воображения гениального рассказчика с приземленным реализмом истинного гуманиста. Его романы находят отклик у всех, будь то любители традиционного реалистичного повествования, постмодернистского нарратива или фантастических историй.

*The New Yorker*

Митчелл — писатель даже не глобального, а трансконтинентального, всепланетного масштаба.

*New York*

Я хочу продолжать писать! Почему по-настоящему хорошие, многообещающие произведения пишут тридцатилетние писатели, которые в свои шестьдесят не всегда могут создать нечто столь же потрясающее и великолепное? Может, им мешает осознание собственного выхода на пенсию? Или они когда-либо сотворили безумно популярное произведение, а потом строчили все менее качественные дубликаты своего же успеха? А может, просто нужно быть *жадным и всеядным* в чтении, в размышлениях и в жизни, пока вы еще на это способны, и тогда каждый ваш роман будет лучше предыдущего. Я на это надеюсь.

*Дэвид Митчелл*



# Содержание

Январский день рождения .....	11
Вешатель .....	45
Родственники .....	76
Верховая тропа .....	116
Роковой рокарий .....	163
Призраки .....	199
Солярий .....	236
Сувениры .....	277
Глист .....	325
Точильщик ножей .....	359
Гусиная ярмарка .....	398
Дискотека .....	423
Январский день рождения .....	458
Благодарности .....	482
Примечания. А. Гузман, Т. Боровикова .....	483

## Январский день рождения

«Ко мне в кабинет — ни ногой». Такое правило установил папа. Но телефон прозвонил уже двадцать пять раз. Нормальные люди обычно сдаются после десяти-одиннадцати звонков, если только речь не идет о жизни и смерти. Правда же? У папы есть автоответчик, как у Джеймса Гарнера в сериале «Досье детектива Рокфорда», с большими бобинами пленки. Но в последнее время папа перестал его включать. Тридцать звонков. Джулия не слышит, у нее в мансарде грохочет на полную катушку *Human League* — «Don't You Want Me»<sup>1</sup>. Сорок звонков. Мама тоже не слышит — она пылесосит гостиную, и к тому же у нее стиральная машина трясется как бешеная. Пятьдесят звонков. Тут что-то не так. А если папу раскатало в лепешку в аварии на М5 и у полиции есть только этот номер телефона, потому что остальные папины документы сгорели? Тогда мы лишимся последнего шанса повидать обгоревшего отца перед его смертью в больнице.

И я переступил порог, чувствуя себя как жена Синей Бороды, которая нарушила запрет. (Конечно, Синей Бороде только того и надо было.) В папином кабинете пахнет фунтовыми банкнотами — бумажный и одновременно металлический запах. Из-за опущенных жалюзи казалось, что сейчас вечер, а не десять утра. На стене очень суровые

---

<sup>1</sup> «Разве ты меня не хочешь» (англ.).

часы — у нас в школе везде висят точно такие же. И фотография: Крейг Солт пожимает папе руку по случаю того, что папу сделали региональным директором продаж «Гринландии» (через «и», так называется сеть супермаркетов, а не через «е», как остров). На стальном столе — папин компьютер *IBM*. Он стоит тысячи фунтов, чесслово. Телефон у папы в кабинете красный, будто аппарат экстренной связи у какого-нибудь президента. И с кнопками, которые надо нажимать, а не с диском, как у нормальных телефонов.

В общем, я набрал воздуху в грудь, поднял трубку и назвал наш домашний номер. Хотя бы его я могу произнести не запинаясь. Обычно.

Но в трубке молчали.

— Алло! — произнес я. — Алло?

Человек на том конце дышал так, как будто порезался бумагой.

— Вы меня слышите? Я вас не слышу.

Еле слышно заиграла мелодия из «Улицы Сезам».

— Если вы меня слышите, стукните по трубке один раз. — Я вспомнил детский фильм, в котором так делали.

Стука не последовало, только музыка из «Улицы Сезам» продолжала играть.

— Наверно, вы ошиблись номером, — предположил я, теряясь в догадках.

На том конце завопил младенец, и трубку бросили.

Когда тебя кто-то слушает в телефоне, получается *слухательный* звук.

Я его слышал. Значит, на том конце слышали меня.

«Семь бед — один ответ». Эту пословицу мы сто лет назад проходили с мисс Трокмортон. Раз уж подвернулся предлог зайти в папин кабинет, я раздвинул полоски жалюзи, острые как бритва, и глянул в окно — за церковные

земли, сквозь ветви флюгерного дерева с петухом, за поля — на Мальвернские холмы. Бледное утро, ледяное небо, холмы покрыты коркой льда, но снег, кажется, не задержался надолго. Обидно. У папы вращающееся кресло — почти такое же, как в орудийных башнях «Сокола Тысячелетия» у лазерных батарей. Я принялся палить в советские МиГи, заполонившие небо над Мальвернскими холмами. Вскоре я уже героически спас десятки тысяч мирных жителей отсюда до Кардиффа. Приходская земля покрылась обломками фюзеляжей и обугленными крыльями. В советских летчиков, когда катапультируются, я стрелял иглами со снотворным. Наши морские пехотинцы потом всех подберут. Меня захотят осыпать медалями, но я откажусь. «Нет, спасибо, — отвечу я Маргарет Тэтчер и Рональду Рейгану, когда они придут к маме на чай. — Я лишь выполнял свой долг».

У папы на столе прикручена невероятно клева точилка для карандашей. Они становятся такими острыми, что хоть рыцарские латы прокалывай. Самые острые — Т. Это папины любимые. Я предпочитаю 2М.

Позвонили в дверь. Я поправил жалюзи, убедился, что не оставил других следов, выскользнул из кабинета и помчался вниз — посмотреть, кто пришел. Последние шесть ступенек я преодолел одним отчаянным скачком.

Это оказался Дурень — дыбящийся и прыщавый, как всегда. Пух у него на лице стал заметно гуще.

— Спорим, не угадаешь, что случилось!

— Что?

— Знаешь озеро в лесу?

— Что с ним такое?

— А оно, — тут Дурень оглянулся, чтобы проверить, не подслушивает ли кто, — взяло да и замерзло! Половина ребят уже там. Круто, а?



— Джейсон! — Из кухни вышла мама. — Холоду напустишь! Либо пригласи Дина в дом — *здравствуй*, Дин, — либо закрой дверь.

— Э... мам, я выйду ненадолго.

— Э... куда?

— Подышать воздухом. Это очень полезно для здоровья.

Большая ошибка.

— Что это ты затеял?

Я хотел сказать «ничего», но Вешатель не позволил.

— Почему ты думаешь, что я что-то затеял?

Я стал надевать темно-синее пальто, старательно избегая ее взгляда.

— А что не так с твоей новой черной курткой, позволю спросить?

Я по-прежнему не мог выговорить «ничего». (Вообще-то надеть черное — значит заявить о своей принадлежности к крутым пацанам. Но взрослым таких вещей не понять.)

— Пальто потеплее. На улице холодновато.

— Имей в виду, обед ровно в час. Папа приедет. Надень вязаную шапку, а то голова замерзнет.

Вязаные шапки — это для педиков, но я послушался — потом суну ее в карман.

— До свиданья, миссис Тейлор, — сказал Дурень.

— До свидания, Дин, — ответила мама.

Она его недолюбливает.

Дурень одного роста со мной. Парень он ничего, но от него ужасно разит супом. Он носит всегда слишком короткие штаны из секонд-хенда и живет на Драггерс-Энд, в маленьком кирпичном домике, который тоже весь пропах супом. На самом деле Дурня зовут Дин Дуран, но наш

учитель физкультуры мистер Карвер сразу же стал звать его «дурень», и кличка прилипла. Я зову его Дин, когда нас больше никто не слышит, но с именами все не так просто. Самые популярных парней зовут просто по имени — например, Ника Юэна всегда называют только Ник. Среднепопулярных — как Гилберт Свинъярд — зовут кличками, вроде как почтительными, типа Ярди. На ступень ниже стоят ребята вроде меня, которые называют друг друга по фамилии. Еще ниже — с издевательскими кличками: прилепят, и ходи с ней. Вот как Дуран — Дурень, или Бест Руссо, у которого кличка Без Трусов. Если уж родился мальчиком, то от иерархии, как в армии, тебе никуда не деться. Назови я Гилберта Свинъярда просто «Свинъярд», он заедет мне в морду с ноги. А стану звать Дурня по имени при всех, это меня самого понизит. Приходится быть бдительным.

Девочки обычно не так следят за иерархией, кроме Дон Мэдден — она, мне кажется, на самом деле мальчик и только по ошибке получилась девочкой. Они и дерутся гораздо меньше. (Впрочем, как раз перед рождественскими каникулами Дон Мэдден зверски сцепилась с Андреа Бозард. Они стояли в очереди на автобус после школы и начали обзывать друг друга суками и шлюхами. Потом принялись молотить друг друга кулаками по сиськам, таскать за волосы, и все такое.) Иногда я жалею, что не родился девчонкой. Они обычно гораздо более цивилизованны. Но стоит проговориться об этом, как на моем шкафчике в школе обязательно нацарапают «ПЕДИК». Так случилось с Флойдом Чейсли, когда он признался, что любит музыку Баха. Имейте в виду: если в школе когда-нибудь узнают, что Элиот Боливар, чьи стихи публикуются в приходском журнале Лужка Черного Лебедя, — это я, меня забьют до смерти за теннисным кортом молотками

из школьной мастерской и намалюют эмблему *Sex Pistols* на моем надгробии.

Короче, пока мы с Дурнем шли к озеру, он рассказал мне про электрическую автодорогу, которую ему подарили на Рождество. На следующий же день трансформатор от нее взорвался, и всю семью чуть не убило. «Ага, щаз», — сказал я. Но Дурень поклялся могилой своей бабушки. Тогда я посоветовал ему написать в передачу «Это жизнь» на Би-би-си — тогда Эстер Ранцен заставит производителя выплатить компенсацию. Дурень сказал, что это вряд ли получится, потому как его папка купил эту штуку у одного «брамми» на рынке в Тьюксбери перед Рождеством. Я не рискнул спросить, что такое «брамми», — вдруг это матерное слово. И только сказал: «Ага, ясно». Дурень спросил, что подарили на Рождество мне. Я на самом деле получил подарочных карточек в книжный магазин на 13 фунтов 50 пенсов и плакат с картой Средиземья, но книги — это для педиков, так что я рассказал Дурню про игру «Жизнь», которую мне подарили дядя Брайан и тетя Алиса. Это настольная игра — ее цель в том, чтобы как можно быстрее провести свою фишку-автомобиль по «жизненному пути» и набрать при этом как можно больше денег. Мы пересекли дорогу у «Черного лебедя» и вошли в лес. Я пожалел, что не помазал губы вазелином, — они у меня трескаются от холода.

Скоро мы услышали за деревьями вопли, крики и возню ребят.

— Кто последним добежит до озера, тот калека! — крикнул Дурень и помчался, застав меня врасплох.

Но тут же споткнулся о край мерзлой колеи, взлетел в воздух и приземлился на задницу. Дуран в своем репертуаре.

— Кажется, у меня сотрясение, — сказал он.



— Сотрясение бывает, когда ударишься головой. Но если у тебя мозги в жопе, тогда конечно.

Какая отличная реплика! Жаль, *кто надо* этого не слышал.

Озеро в лесу было просто *этическое*. Во льду застыли пузырьки воздуха, совсем как в мятных карамельках. У Нила Броуза были настоящие олимпийские коньки, и он сдавал их напрокат всем желающим по пять пенсов за раз. Пит Редмарли Броуз разрешал кататься бесплатно, чтобы другие ребята увидели и тоже захотели прокатиться. На льду и без коньков трудно. Я упал тыщу раз, пока наконец не приновился скользить на подошвах кроссовок. Пришел Росс Уилкоккс со своим двоюродным братом Гэри Дрейком и с Дон Мэдден. Все трое неплохо катаются. Дрейк и Уилкоккс теперь тоже выше меня. (Они были в перчатках без пальцев — пальцы специально отрезали, чтобы похвалиться шрамами, заработанными в игре «Королева шрамов». Меня бы мама за такое убила.) На кочковатом островке посреди озера, где летом живут утки, сидел Подгузник и орал «Зопой квелху! Зопой квелху!» каждый раз, когда кто-нибудь падал. У Подгузника не в порядке с головой, потому что он родился раньше времени. Поэтому его никогда не бьют. Во всяком случае, сильно не бьют. Грант Бёрч взял велосипед-чоппер своего слуги Филипа Фелпса и прямо выехал на нем на лед. Сперва он держался, но потом решил задрать переднее колесо и взлетел в воздух. Когда велосипед приземлился, то выглядел так, будто Ури Геллер замучил его до смерти. Фелпс криво ухмылялся. Наверняка пытался сообразить, что скажет отцу. Потом Пит Редмарли и Грант Бёрч решили, что замерзшее озеро идеально подходит для игры в «британских бульдогов». Ник Юэн сказал: «Я — за», так

что дело было решено. Терпеть не могу «британских бульдогов». Когда мисс Трокмортон в начальной школе запретила нам в это играть — после того, как Ли Бигтсу выбили три зуба, — я чуть не умер от радости. Но сегодня утром любой отказавшийся играть в «британских бульдогов» выглядел бы полным педиком. Особенно если он живет на Кингфишер-Медоуз, как я.

Мы, то есть человек двадцать — двадцать пять мальчишек и Дон Мэдден, встали в ряд, и капитаны команд стали нас выбирать, как рабов на рынке. Грант Бёрч и Ник Юэн были вместе капитанами в одной команде. Капитанами другой были Пит Редмарли и Гилберт Свиньярд. Росса Уилкокса и Гэри Дрейка выбрал Пит Редмарли — раньше меня, но меня выбрал Грант Бёрч на шестом проходе, то есть это был не полный позор. Дурень и Подгузник остались последними. Грант Бёрч и Пит Редмарли пошутили: «Нет, не берите их обоих, мы хотим выиграть!» — и Подгузнику с Дурнем пришлось смеяться, как будто им тоже смешно. Может, Подгузнику и правда было смешно. (Дурню — не было. Когда все отвернулись, лицо у него стало как в тот раз, когда мы сказали ему, что играем в прятки, и послали его прятаться, а он только через час сообразил, что его никто не ищет.) Подбросили монетку, и Ник Юэн выиграл, так что наша команда стала «бегунами», а Пита Редмарли — «бульдогами». Куртки низкоранговых ребят бросили на лед в обоих концах озера, чтобы обозначить ворота, которые надо атаковать и защищать. Девчонок, кроме Дон Мэдден, и малышей прогнали со льда. «Бульдоги» Редмарли сбились в кучу посреди озера, а мы, «бегуны», отошли на старт. У меня колотилось сердце. «Бульдоги» и «бегуны» пригнулись, как конькобежцы. Капитаны команд принялись скандировать:

— Бульдоги! Раз-два-три!

---

Мы ринулись в бой, вопя, как камикадзе. Я поскользнулся (нечаянно-нарочно) прямо перед тем, как первая волна «бегунов» врезалась в «бульдогов». После столкновения самые крутые «бульдоги» завяжут драку с первыми «бегунами». («Бульдогам» надо положить «бегуна» на обе лопатки на лед и продержат его там столько времени, чтобы успеть крикнуть: «Бульдоги! Раз-два-три!») При некоторой удаче моя стратегия расчистит путь, так что наши, лавируя в толпе «бульдогов», доберутся до линии ворот. Сначала мой план вроде бы сработал. Братья Тьюки и Гэри Дрейк все разом врезались в Ника Юэна. Мне захватили ногой по щиколотке, но я удачно прорвался. Но потом на меня бросился Росс Уилкоккс. Я хотел увернуться, но он крепко схватил мое запястье и потянул меня вниз. Я даже не пытался вырваться, а вместо этого схватил покрепче за руку его самого и отшвырнул от себя, прямо на Энта Литгла и Даррена Крума. Класс, правда? В спортивных и всяких других играх главное — не победа и даже не участие. На самом деле главная цель — унижить противника. Ли Биггс попробовал на мне подленький приемчик из регби, но я его стряхнул только так. Он слишком боится за оставшиеся зубы, а потому не может быть хорошим «бульдогом». Я оказался у линии четвертым. Грант Бёрч крикнул: «Отлично, Джейс!» Ник Юэн отделался от Дрейка и братьев Тьюки и тоже добежал до ворот. Примерно треть «бегунов» попали в плен и сами стали «бульдогами» — следующий проход будет для нас тяжелее. Вот за это я не люблю игру в «британских бульдогов» — тебя сильно делают предателем.

В общем, мы хором крикнули: «Бульдоги! Раз-два-три!» — и снова ринулись в бой, но на этот раз у меня не было шансов. Росс Уилкоккс, и Гэри Дрейк, и Дон Мэдден нацелились на меня с самого начала. Я уворачивался изо всех сил, но ничего не мог поделать. Я и до середины не



пробежал, как они меня заловили. Росс Уилкокс бросился под ноги, Гэри Дрейк повалил меня, а Дон Мэдден села мне на грудь и придавила коленями мои плечи. Я лежал и ничего не мог поделать, а меня превращали в «бульдога». Но в сердце я навсегда останусь «бегуном». Гэри Дрейк отсидел мне ногу — может, нарочно, а может, и нет. У Дон Мэдден жестокие глаза, как у китайской императрицы. Иногда ей достаточно в школе один раз с утра на меня посмотреть, и я потом весь день о ней думаю. Росс Уилкокс подпрыгнул и двинул воздух кулаком, как будто гол забил в «Олд Траффорд». Вот ведь калека. «Да, да, Уилкокс, трое на одного, молодцы», — сказал я. Уилкокс показал мне обратную «викторию» и умчался прочь, ввязываясь в другую битву. Грант Бёрч и Ник Юэн врезались со всей скорости в толпу «бульдогов», размахивая руками, как мельницы, и половина «бульдогов» разлетелась в разные стороны.

Тут Гилберт Свинъярд заорал во всю глотку:

— КУЧА-МАЛАААА!!!

Это был сигнал всем «бегунам» и «бульдогам», кто был на озере, повалиться друг на друга, чтобы вышла извивающаяся, стонущая и все растущая пирамида из ребят. Про игру вроде как забыли. Я задержался в сторонке, притворяясь, что хромаю из-за отсиженной ноги. Вдруг в лесу послышался звук бензопилы — она как будто летела по дороге прямо к нам.

Но это была не бензопила. Это был Том Юэн на своем фиолетовом кроссовом «судзуки» на сто пятьдесят кубиков. Сзади за Тома цеплялся Плуту Ноук без шлема. Про «британских бульдогов» тут же забыли: Том Юэн у нас в Лужке Черного Лебедя — живая легенда. Он служит во флоте, на эскадренном миноносце — корабле ее величества «Ковентри». И еще у него есть все альбомы цеппели-

нов, которые вообще бывают, и он умеет играть на гитаре вступление к «Stairway to Heaven». Том Юэн сам пожимал руку Питеру Шилтону, голкиперу сборной Англии! Плутто Ноук — тоже легенда, но поменьше. Он в прошлом году ушел из школы, даже не сдав экзамены на аттестат зрелости. А теперь работает на фабрике свиных шкварок в Аптоне-на-Северне. (Ходят слухи, что он курил каннабис, но, видимо, не того сорта, от которого мозги превращаются в цветную капусту и прыгаешь с крыши на острые прутья ограды.) Том Юэн припарковал «судзуки» у скамьи на узком конце озера и сел в седле боком. Плутто Ноук двинул его кулаком в спину (это он так спасибо сказал) и пошел разговаривать с Колеттой Тюрбо. Если верить Келли, сестре Дурня, у Плутто с Колеттой были половые сношения. Ребята постарше уселись на скамейке лицом к Тому Юэну, как апостолы с Иисусом, и стали передавать по кругу бычки. (Росс Уилкоккс и Гэри Дрейк теперь курят. Что еще хуже, Росс Уилкоккс спросил Тома Юэна что-то про глушитель «судзуки», и Том Юэн ему ответил, как будто Россу тоже восемнадцать лет, не меньше.) Грант Бёрч велел своему слуге Фелпсу сбежать в лавку Ридда и принести ему арахисовый шоколадный батончик и банку газировки «Топ дек», да еще заорал ему в спину: «Бегом, я сказал!» — чтобы произвести впечатление на Тома Юэна. Мы, средние по рангу ребята, расселись на подмороженной земле вокруг скамьи. Парни постарше заговорили о том, какую самую лучшую передачу показывали по телевизору на Рождество и Новый год. Том Юэн сказал, что смотрел «Большой побег», и все согласились, что рядом с «Большим побегом» все остальные фильмы — говно, особенно по сравнению с той сценой, где фашисты ловят Стива Маккуина на колючей проволоке. Но тут Том Юэн сказал, что, по его мнению, фильм длинноват, и все согласились, что он, конечно, классика, но тянется безумно долго. (Я не

видел «Большой побег», потому что мама и папа смотрели особый рождественский выпуск «Двух Ронни». Но я очень внимательно слушал разговор парней, чтобы в понедельник, когда начнется школа, прикинуться, что все-таки видел.)

Разговор каким-то образом перешел на тему «как хуже всего умирать».

— Хуже всего — когда тебя укусила зеленая мамба, — высказал предположение Гилберт Свинъярд. — Это самая ядовитая змея в мире. Все органы внутри лопаются, так что моча перемешивается с кровью. До ужаса мучительно.

— Мучительно-то мучительно, зато быстро, — фыркнул Грант Бёрч. — Гораздо хуже, когда с тебя кожу сдирают, этак носком. Так делают индейцы-апаچی со своими жертвами. Самые лучшие могут это на целую ночь растянуть.

Пит Редмарли сказал, что слышал про казнь, которую любят вьетконговцы.

— Они тебя раздевают, привязывают, потом засовывают плавленный сырок тебе в жопу. А потом запирают тебя в гробу, в который ведет трубка. И пускают по трубке голодных крыс. Крысы, они сжирают сыр, а потом вгрызаются в тебя.

Все посмотрели на Тома Юэна — какой будет окончательный ответ.

— Я часто вижу один такой сон. — Он затянулся сигаретой, — казалось, целая вечность прошла. — Я в кучке последних людей, выживших после атомной войны. Мы идем по шоссе. Машин на нем нет, только сорняки растут. И каждый раз, как я оглядываюсь, нас все меньше. Радиация, понимаете, убивает одного за другим. — Он посмотрел на своего брата Ника, потом куда-то далеко за ледяное озеро. — И меня пугает даже не то, что я умру. А то, что я окажусь последним.



После этого все долго молчали.

Тут вылез Росс Уилкоккс. Он затянулся сигаретой, — казалось, целая вечность прошла. Фу, позер.

— Вот если б не Уинстон Черчилль, *вы* сейчас все говорили бы по-немецки.

Ну конечно, а Росс Уилкоккс ловко избежал бы немецкого плена и лично возглавил бы ячейку Сопротивления. Мне до смерти хотелось сказать этому выскочке, что на самом деле, если бы японцы не разбомбили Пёрл-Харбор, Америка никогда не вступила бы в войну, Британию заморили бы голодом и вынудили бы сдаться в плен и Черчилля казнили бы как военного преступника. Но я знал, что не смогу. В этих предложениях была куча запинательных слов, а Вешатель в последнее время стал совершенно безжалостен. Поэтому я только сказал, что умираю — хочу отлить, встал и прошел чуть подальше по тропке, ведущей в деревню. Гэри Дрейк заорал:

— Эй, Тейлор! Не стряхивай больше двух раз, а то выйдет, что ты *дрочишь!*

Нил Броуз и Росс Уилкоккс довольно заржали. Я показал им через плечо обратную «викторию». Присказка про «стряхивать и дрочить» сейчас у парней дико модная. Жаль, я никому не могу довериться и спросить, что это на самом деле значит.

Среди деревьев всегда хорошо, в отличие от людей. Может, Дрейк и Уилкоккс надо мной издевались, но в любом случае чем слабее становились их голоса, тем меньше мне хотелось идти назад. Я просто ненавидел себя за то, что не поставил Уилкоккса на место, когда он говорил про немецкий язык. Но если бы я начал запинаться при всех, это был бы капец. Изморозь на колючих ветвях таяла, и большие капли кап-кап-капали на землю. Звук капли меня немножко успокоил. В ямках, куда не доставало солнце, еще



оставался крупнозернистый снег, но слепить снежок не хватило бы. (Нерон убивал своих гостей, заставляя их есть стеклянную еду — просто так, для смеху.) Я увидел малиновку, дятла, сороку — и вроде бы где-то вдалеке услышал соловья, но я не уверен, что соловьи встречаются в январе. Я дошел до места, где едва заметная тропа от Дома в чаще вливается в главную тропу, ведущую к озеру, и тут услышал пыхтение — какой-то мальчишка, задыхаясь, мчался в мою сторону. Я спрятался, вжался между двумя елками с раздвоенными вершинами. Мимо пронесся Фелпс, прижимая к груди арахисовый батончик и банку «Тайзера» для своего хозяина. (Должно быть, «Топ дек» у Ридда кончился.) За елками вверх по склону вело что-то похожее на тропу. Я знаю все тропы в этой части леса, подумал я. Но не эту. Когда Том Юэн уедет, Пит Редмарли и Грант Бёрч снова затеют «британских бульдогов». Не было смысла возвращаться. Я решил пойти по тропе — просто так, посмотреть, куда она ведет.

В чаще только один дом, поэтому его так и называют — Дом в чаще. Там живет какая-то старуха, но я не знаю, как ее зовут, и никогда ее не видел. У дома четыре окна и труба, совсем как дети обычно рисуют домик. Его окружает кирпичная стена в мой рост, а одичавшие кусты вымахали еще выше. Когда мы играем в войну в лесах, то держимся подальше от этого дома. Не потому, что про него ходят рассказы с привидениями. Просто эта часть леса не очень хорошая.

Но сегодня утром дом выглядел таким приземистым и запертым, что я решил: похоже, там больше никто не живет. Кроме того, я уже до того хотел в туалет, что чуть не лопался, а в такие моменты забываешь об осторожности. Так что я помочился на заиндевелую стену. Я только за-

кончил выводить свой автограф парящей желтой струей, как с тихим взвизгом открылась ржавая калитка и оттуда возникла бабка с кислым лицом времен черно-белого кино. Она просто так стояла и смотрела на меня.

У меня струя пересохла.

— Боже мой! Извините!

Я застегнулся, бормоча извинения, — сейчас меня с землей смешают. Если бы моя мама застала мальчишку, писающего на нашу изгородь, она бы с него кожу содрала заживо, а тело пустила бы на компост. Любого мальчишку, включая меня.

— Я не знал... не знал, что тут кто-то живет.

Кисломордая бабка продолжала на меня пялиться.

Мои штаны пестрели брызгами мочи.

— Мы с братом родились в этом доме, — сказала наконец бабка. Шея у нее была дряблая и морщинистая, как у ящерицы. — И не собираемся никуда переезжать.

— О... хорошо... — Я все еще не был уверен — вдруг она сейчас откроет огонь.

— Какие вы, юнцы, шумные!

— Извините...

— Очень неосторожно с вашей стороны было разбудить моего брата.

У меня от ужаса склеился рот.

— Там было много народу, не только я. Честное слово.

— В иные дни мой брат любит юнцов. — Бабка смотрела не мигая. — Но в такие дни, как сегодня, они его приводят в ярость, о да.

— Простите, мне очень жаль, я уже сказал.

— Ты еще пожалеешь, если мой брат до тебя доберется, — с видимым отвращением произнесла она.

Тихие звуки стали чрезмерно громкими, а обычно громких звуков стало совсем не слышно.

Митчелл Д.

М 67 Под знаком черного лебедя : роман / Дэвид Митчелл ; пер. с англ. Т. Боровиковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 512 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-11621-4

Дэвид Митчелл — современный классик британской литературы, дважды финалист Букеровской премии, автор таких интеллектуальных бестселлеров, как «Костяные часы», «Облачный атлас» (недавно экранизированный Томом Тыквером и братьями Вачовски), «Голодный дом» и другие. «Под знаком черного лебедя» — это роман взросления, и Митчелл более чем уверенно выступил на территории, традиционно ассоциирующейся с такими именами, как Сэлинджер, Брэдбери и Харпер Ли. Итак, добро пожаловать в деревушку Лужок Черного Лебедя (где «на самом деле нет никаких лебедей... Это, в общем, такая шутка»). Джейсону Тейлору тринадцать лет, и мы увидим его жизнь на протяжении тринадцати месяцев, от одного январского дня рождения до другого. Он борется с заиканием, тайно пишет стихи, собачится со старшей сестрой и надеется не опуститься в школьной иерархии до уровня Дина Дурана по прозвищу Дурень. Тем временем в Атлантике идет Фолклендская война, в кинотеатрах стоят очереди на «Огненные колесницы», а в отцовском кабинете, где «вращающееся кресло — почти такое же, как в оружейных башнях „Сокола Тысячелетия“ у лазерных батарей», то и дело звучат загадочные телефонные звонки...

«„Под знаком черного лебедя“ — идеальный слепок времени и места, ни одной фальшивой ноты» (*Telegraph*).

*Перевод публикуется в новой редакции.*

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЭВИД МИТЧЕЛЛ  
ПОД ЗНАКОМ ЧЕРНОГО ЛЕБЕДЯ

Ответственный редактор Александр Гузман  
Редактор Дарина Никонова  
Художественный редактор Илья Кучма  
Технический редактор Татьяна Раткевич  
Компьютерная верстка Ирины Варламовой  
Корректоры Ирина Киселева, Валентина Гончар

Подписано в печать 13.03.2020. Формат издания 60 × 90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 32. Заказ №

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —  
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»  
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.  
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге  
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А  
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»  
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua  
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами  
в ООО «ИПК Парето-Принт».  
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.  
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: [www.azbooka.ru](http://www.azbooka.ru), [www.atticus-group.ru](http://www.atticus-group.ru)

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества  
размещена по адресу: [www.azbooka.ru/new\\_authors/](http://www.azbooka.ru/new_authors/)



Y-BRM-19648-01-R